

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Габдуллин И.Р., Орлова Е.В. — Спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов: философско-психологические аспекты исследования // Философская мысль. – 2023. – № 12. – С. 32 - 41. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.69262 EDN: RMHCVJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69262

Спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов: философско-психологические аспекты исследования

Габдуллин Ильдар Рустамович

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, культурологии и социологии; Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Просп. Победы, 13, оф. 20806

✉ i.gabd@yandex.ru**Орлова Елена Валентиновна**

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

460022, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Вишневая, 14, кв. 2

✉ orle-@mail.ru[Статья из рубрики "Спектр сознания"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.12.69262

EDN:

RMHCVJ

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2023

Дата публикации:

17-12-2023

Аннотация: Предметом настоящего исследования выбраны неосознаваемые элементы ментальной активности, связанные со сферой мышления. Целью данной статьи является анализ психологических и философских аспектов изучения конкретных аспектов

формирования и функционирования мышления как высшей когнитивной способности человека, а именно в той части этой способности, которая проявляется в спонтанно-бессознательной форме. Одной из задач, требующих разрешения и возникающих в таком контексте, является постановка вопроса о том, считать ли указанные формы проявления мышления лишь следствием воздействия внешних факторов, или же это необходимый элемент процесса их формирования и функционирования. Ещё одной задачей, обусловленной спецификой выбранного предмета исследования, стал вопрос о выборе методологического контекста и перспективы дальнейших исследований. В качестве методологических подходов и методов, применяемых в ходе исследования задействованы как теоретические наработки классической философии и психологии, так и результаты современных философских и психологических исследований, что позволяет применить так называемый метод «систематического эклектизма», что отчасти позволяет актуализировать комплексный подход к такой сложной сфере исследований как феномен человеческого сознания. Актуальность исследования определяется тем, что не смотря на непреходящий интерес к проблемам функционирования человеческого мышления, его происхождение остаётся недостаточно исследованным с точки зрения его соотношения с бессознательными процессами человеческой психики. Одна из причин такой ситуации заключается в относительной дифференцированности, разрозненности в методологических подходах. В качестве основных выводов в предпринятой попытке исследования обозначенных выбранной темой мыслительных процессов является положение о неразрывной связи, взаимообусловленности осознанных и бессознательных актов психики. При этом проявление спонтанно-бессознательной формы мышления закреплена соответствующим биологическим механизмом. В качестве частного вывода по итогам проведённого исследования предлагается актуализировать уже имеющиеся результаты, достигнутые в когнитивных науках как междисциплинарной области исследований проблем сознания и мышления.

Ключевые слова:

мышление, сознание, когнитивные способности, когнитивная психология, спонтанный вывод, бессознательное, систематический эклектизм, управляемое мышление, категоризация, схематизм

Введение

В современной философской и психологической науках понятие «сознание» предстаёт настолько сложным явлением, что это стало предметом специальных междисциплинарных исследований, объединяемых названием когнитивных наук. Эти исследования проводятся в самых разных сферах научно-познавательной деятельности – от эпистемологии до нейробиологии и компьютерных наук [\[1\]](#). При объяснении высших когнитивных процессов стали применяться модели переработки информации, задействованные в исследованиях области искусственного интеллекта [\[2, с. 171\]](#). В этой связи достаточно продуктивными оказываются объективно те подходы и методы, которые охватывают большее количество областей исследования, а также те, которые показывают определённую методологическую преемственность. Одним из таких подходов, например, описывается термином «систематический эклектизм», разъясняемый его авторами как идея или принцип, которые связаны с поиском такой теоретической системы, которая будет «принимать правду, где бы ее не обнаружили» и которая полагает «тотальность человеческого опыта», позволяющую полностью и по

достоинству оценивать природу человека [\[3; 4\]](#).

Мышление осуществляет рационально-осознанную когнитивную функцию психики, и это действительно очевидная данность. Но не менее важным для любой онтологической данности является выяснение причин, истоков её появления, поскольку это позволяет понять конкретные формы настоящего состояния и возможные направления изменения в будущем. В этой связи открываются возможности нового прочтения известных философских концепций относительно происхождения мышления. Мышление должно быть рассмотрено хоть и как важнейшая из всех когнитивных функций, но все же и как часть более общего целого, охватываемого таким широким понятиями, как сознание, душа, психика. Последнее положение выражает приверженность авторов определенным методологическим установкам, в частности, принципам диалектической взаимосвязи чувственного и рационального в познании, единства целого и части.

Хотя вышеназванный комплекс когнитивных наук изучает в первую очередь человеческий разум, мышление, как правило, это подразумевает также и охват всей психической сферы. Мышление, как высшая когнитивная способность, проявляет не только собственно психологические, но и философские аспекты его исследования. В соответствии с поставленными задачами, выбраны два взаимодополняющих друг друга способа осуществления единого познавательного процесса в мыслительной деятельности. Это, с одной стороны, так называемое *автоматическое* мышление, соотносимое с неосознаваемой и произвольной формой его проявления, а с другой стороны - сознательно-рефлексивная, осознанная мыслительная деятельность, получившая название *управляемого* мышления [\[5, с. 80-81\]](#). Этот выбор обусловлен тем обстоятельством, что здесь сочетаются как научно-психологические, так философские подходы. В соответствии с выбранной темой, предметом рассмотрения настоящей статьи является первая из обозначенных сторон, а именно неосознаваемые формы мышления.

Концепция бессознательных умозаключений Г. фон Гельмгольца.

В трудах Г. фон Гельмгольца, выдающегося физиолога и психолога, основателя перцептивной психологии были введены термины "*бессознательное умозаключение*" и "*неосознанный вывод*" (нем. *unbewusster Schluss*) [\[6\]](#). Хотя эти понятия первоначально были использованы для описания произвольного, пред-рационального перцептивного механизма при формировании зрительных впечатлений, в последующих психологических исследованиях, вплоть до настоящего времени, эти понятия в различных, но близких интерпретациях получили плодотворное в научном плане развитие.

Формирование зрительных впечатлений, как описал их Гельмгольц, достигается прежде всего так называемыми «бессознательными суждениями», результаты которых «никогда ни разу не могут быть возведены в плоскость сознательных суждений» и, таким образом, «лишены очищающей и исследующей работы сознательного мышления». Несмотря на это, замечал Гельмгольц, они «будут, так сказать, подтаскиваться к нашему сознанию, как если бы нас сковывала внешняя сила, над которой наша воля не властна». И он обратил внимание на тот поразительный факт, что однажды сформировавшись, результаты бессознательных суждений настолько неподвластны сознательному контролю, настолько устойчивы к противоречию, что от них «невозможно избавиться» и «действие их невозможно преодолеть». Итак, к каким бы впечатлениям ни приводил этот бессознательный процесс умозаключения, они поражают «наше сознание как чуждую и непреодолимую силу природы». Можно добавить, что именно поэтому «увидеть - значит поверить» и почему, когда в повседневном языке мы ссылаемся на выражение,

демонстрируемое другим человеком, мы на самом деле описываем свое собственное впечатление о нем.

Исследуя зрительный феномен локализации корреспондирующих изображений, Гельмгольц использует понятие *глазомера*, под которым понимается именно добытое путём опыта суждение о расстояниях, благодаря чему интерпретируются значения локальных знаков. На том основании, что «одно знание добытое путем опыта, борется с другим, также добытым путем опыта», делается вывод, что «представление, по которому два зрительных изображения принадлежат одному объекту, влияет путем глазомера на суждение об их взаимном положении» [\[7, с. 133\]](#).

Подводя итоги длительным экспериментальным исследованиям, первоначально «возникающие таким образом сочетания представления» были названы «бессознательными умозаключениями». Бессознательными они были названы «по столько, по сколько в них большая посылка составлена из ряда частных опытов, из которых каждый в отдельности давно исчез из памяти и проник в наше сознание только в форме чувственных наблюдений, хотя бы даже не в форме предложений». Хотя в дальнейшем, по собственному признанию Гельмгольц отказался от термина «бессознательные умозаклучения», чтобы избежать не совсем правильным интерпретаций у других авторов, все же сохранился тезис о том, что «мы имеем здесь дело с элементарным процессом, который собственно лежит в основе всякого так называемого мышления, хотя ещё при этом недостаёт того критического исследования и того пополнения каждого отдельного, шага, какие мы встречаем в научном образовании понятий и умозаклучений» [\[7, с. 160-161\]](#).

Современные интерпретации и развитие теории бессознательных умозаклучений.

Некоторые исследователи отмечают, что в области информатики использованы идеи о бессознательном умозаклучении для выдвижения гипотезы о том, что кора головного мозга содержит так называемую генеративную модель мира. Следуя Гельмгольцу, они рассмотрели систему восприятия человека как механизм статистического вывода, функция которого состоит в том, чтобы делать выводы о вероятных причинах сенсорного ввода. Проведённые эксперименты в этом направлении показали, что устройство (механизм) такого типа может научиться делать эти выводы, не требуя от учителя маркировки каждого сенсорного входного вектора его основными причинами. В этой связи даже был предложен статистический метод для обнаружения структуры, присущей набору закономерностей [\[8\]](#).

Дальнейшее применение концепция получила и в специальных социально-психологических исследованиях. В частности, отмечена способность к так называемому *спонтанному выводу о признаках*. Такого рода мыслительные операции люди иногда применяют произвольно (спонтанно) когда судят о чертах других людей из их поведения, первоначально не намереваясь этого делать. В этой связи предполагается, что выводы о признаках не обязательно должны быть результатом осознанного, рефлексивного каузального мышления, а как признаки, так и причины могут быть встроены в структуры неявного знания. Это проявляется, активируется как предрасположенности, которые проявляются только при определённых условиях и находят выражение в таких феноменах как самореализующиеся пророчества в социальном взаимодействии и закрепляются в социальных стереотипах [\[9\]](#).

Схематизация познавательного процесса как исходная предпосылка формирования понятийной структуры мышления

Не смотря на то, что сами термины - автоматическое и управляемое мышление - преимущественно приняты в научно-психологическом дискурсе, они имеют прочную философскую укорененность. Дело в том, что здесь задействовано одно из основных свойств психики, ведущее к формированию мышления как высшей познавательной (когнитивной) способности - абстрагированию. Если выделять прежде всего конкретные когнитивные механизмы реализации этой способности, то это, так называемый, схематизм в мышлении и сопровождающий его процесс рационализации. При этом термины «схема» и «схематизм» могут различаться по смыслу в зависимости от философского или психологического аспектов рассмотрения [\[10\]](#).

Философский смысл изучаемого процесса, связанного с абстрагирующей деятельностью мышления, был впервые теоретически разработан в «схематизме чистого рассудка» трансцендентальной философии И. Канта. Анализируя истоки формирования априорного знания и столкнувшись с необходимостью снять или сгладить противопоставление рационализма и эмпиризма, Кант приходит к пониманию того, что в целом познавательный процесс не может быть сведён только лишь к рациональному или только лишь к чувственному уровням сознания. Понятия «схемы» и «схематизация» понадобились для решения «истинной задачи чистого разума» при ответе на фундаментальный вопрос «Как возможны синтетические суждения a priori?» [\[11, с. 52\]](#). Представления о схемах и схематизации, сыграли одну из ключевых ролей при определении взаимосвязи чувственного и рассудочного уровней познавательной активности субъекта познания. М. Хайдеггер, при изучении соответствующего раздела «Критики чистого разума («Схематизм чистых рассудочных понятий»), особо выделяет эту часть трансцендентальной философии И. Канта [\[12, с. 55-56\]](#).

Понятие схемы может быть рассмотрено в семиотическом дискурсе. С этих позиций мышление выражается, прежде всего, в знаковой форме и направляется отношениями, что «всякому знаку должна соответствовать некоторая организованность содержания мышления, всякий объект может иметь своего референта в мире знаков» [\[13\]](#). Эти отношения взаимонаправлены, но не взаимообратимы, то есть делают возможным не только адекватное отображение действительности (истина), но также и искажение (заблуждение).

Если же применять описанную выше теоретико-методологическую трактовку на практике человеческого общения, то здесь схема выражает особую форму фиксации и сохранения знаний об окружающем мире [\[5, с. 81\]](#). Особенно это важно для демаркации «нормального» и «отклоняющегося» поведения индивида. Одним из примеров дивиантного поведения является неспособность различать ранее сложившиеся схемы поведения (социальные стереотипы) от вновь возникающих ориентиров поведения, вследствие чего «изобретаются» воображаемые сценарии. Это может быть обусловлено целенаправленным воздействием средствами психологической обработки сознания. Конечно, на индивидуальном уровне это может означать особую психопатологию, у которой даже есть специальное название - синдром Корсакова [\[14\]](#), которое выражается в утрате способности запоминать новые события и, как следствие, возникает дезориентировка во времени, пространстве и окружающей действительности.

Механизм категоризации как фундаментальный процесс формирования и функционирования мышления

В процессе когнитивной эволюции человеческая психика выработала различные

способы организации и оптимизации адаптивного поведения человека к окружающему миру, одним из которых явилась категоризация мышления. Здесь также можно выделить как психологическую, так и философскую интерпретацию самого термина «категоризация», поскольку рассматриваемый когнитивный процесс, описываемый этим термином, охватывает самый широкий спектр приложения, включая совокупный общественный опыт [\[15\]](#).

Проблема категорий издревле интересовала философов, заявляя о себе «как как необходимость мыслить сознательно-системно, во всеоружии категориального аппарата мышления» [\[16\]](#). В понимании Аристотеля, категория первоначально предстаёт прежде всего как всеобщая характеристика Бытия, Универсума [\[17\]](#), но в ходе дальнейшего теоретического анализа превращается также и в функцию, которая обеспечивает правильно выбранную стратегию аргументации и доказательства, предохраняя от подмены одних смыслов другими [\[18, с. 229\]](#).

В психологии категоризация рассматривается, главным образом, в контексте теории восприятия (Дж. Брунер) как базовый акт, тесно связанный с языком, а "категоризацию предмета или события – отнесение его к какому-то классу или идентификацию его – можно уподобить тому, что в теории множеств называется отнесением элемента некоего множества к некоторому его подмножеству на основе таких упорядоченных пар, троек или п признаков, как мужчина — женщина, мезоморф — эндоморф — эктоморф или, скажем, высота предмета с точностью до сантиметра» [\[19, с. 15\]](#).

И. Кант определял процесс образования категорий как результат дедукции рассудочных понятий, а "все возможные восприятия как осознанные, т.е. относящиеся к Я, созерцания необходимо подчинены категориям" [\[20\]](#), где осуществляется акт соединения «интуитивного» (по терминологии И.Канта соотносимого с «чувственным», «созерцательным») и «дискурсивного» уровней познавательной активности субъекта [\[21, с. 101;\]](#). В этой связи отмечается, что «мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем *познать* ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям» [\[21, с. 149\]](#).

Опираясь на результаты исследований в когнитивной психологии, где проводится различие между образно-пространственной (перцептивной) и знаково-символической (логико-вербальной) формами мышления, можно более широко интерпретировать сам принцип дедукции. В рамках когнитивно-эволюционного подхода к пониманию познания [\[2\]](#), понятие дедуктивного вывода применимо не только к процессам логико-вербального мышления. Явной формой последнего является умозаключение, определяемого активностью левого полушария мозга. Было установлено, что правополушарная активность зачастую "сопровождает" и аналитическую, знаково-символическую левополушарную активность. Это оказалось фундаментальной чертой осуществления познавательной деятельности «в силу сформировавшейся у людей в процессе эволюции межполушарной кооперации, сознательно управляемая активность левого полушария (вербальная, логико-аналитическая т. п.) координируется интенциональностью правого полушария». При этом, сама так называемая «правополушарная активность» зачастую остаётся в «тени», вне фокуса сознания [\[2, с. 221\]](#).

Заключение

Таким образом, в качестве основных выводов в предпринятой попытке исследования

неосознаваемых процессов ментальной активности являются: 1) положение о неразрывной связи, взаимообусловленности осознанных и бессознательных актов психики. Такая связь в большей степени связана на уровне перцептивного мышления при формировании идеальных пространственно-образных конструкций; 2) спонтанно-бессознательная форма обусловлена взаимодополнительностью различных ментальных структур психики, закреплённой соответствующим биологическим механизмом – правополушарными структурами головного мозга; 3) понятия «сознание» и «мышление» не являются универсальными в научном и философском дискурсе, а обуславливаются определенным методологическим контекстом рассмотрения. В данной работе такими контекстами выступают специальные философские и психологические исследовательские подходы. В качестве возможного пути дальнейших исследований, по мнению авторов, представляется перспективным в эпистемологических исследованиях когнитивно-эволюционный подход, разработанный в российском философском дискурсе.

Библиография

1. Когнитивная наука. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0171caea77531bf144fa0371>. / Дата обращения – 10.10.2023.
2. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 2. СПб.: РХГА, 2006. 416 с.
3. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.
4. Allport, G. W. (1964). The fruits of eclecticism: Bitter or sweet? *Acta Psychologica*, 23, 27–44. [https://doi.org/10.1016/0001-6918\(64\)90073-3](https://doi.org/10.1016/0001-6918(64)90073-3)
5. Арансон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. 560 с.
6. Hermann von Helmholtz Treatise on Physiological Optics. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20180320133752/http://poseidon.sunyopt.edu/BackusLab/Helmholtz/> / Дата обращения – 10.10.2023.
7. Гельмгольц Г. О зрении человека; Новейшие успехи теории зрения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 192 с.
8. Dayan, P., Hinton, G. E., & Neal, R. (1995). The Helmholtz machine. *Neural Computation*, 7, 889–904. Retrieved from <https://www.sci-hub.ru/10.1162/neco.1995.7.5.889>. / Дата обращения – 10.10.2023.
9. Newman, L. S., & Uleman, J. S. (1989). Spontaneous trait inference. In J. S. Uleman & J. A. Bargh (Eds.), *Unintended thought* (pp. 155–188). The Guilford Press. Retrieved from <https://psycnet.apa.org/record/1989-98015-005> / Дата обращения – 10.10.2023.
10. Морозов Ф. М. Схемы как средство описания деятельности (эпистемологический анализ). М.: ИФ РАН, 2005. 181 с.
11. Кант И. Критика практического разума. Соч.: В 8-ми т. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994. С. 373–565
12. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / Пер. с нем., послесловие О.В. Никифоров. М.: Логос, 1997. 143 с.
13. Мацкевич В. В. Знак схема. // Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
14. Синдром Корсакова. URL: <https://renaissance-clinics.com/encyclopedia/korsakoff-syndrome> / Дата обращения 10.10.2023.
15. Микешина Л. А. Категоризация // Гуманитарный портал: Концепты / Центр гуманитарных технологий, 2002–2022. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6881> / Дата

обращения 18.10.2023.

16. Балашов Л. Категориальный строй мышления. URL: <https://proza.ru/2013/01/20/2044> / Дата обращения 18.10.2023.
17. Мельников С. А. Введение в философию Аристотеля. Лекция: Метафизика. Учение о категориях. Понятие сущности. URL: <https://magisteria.ru/aristotle-intro/ontologiya-aristotelya-kategorii> / Дата обращения 05.11.2023.
18. Огурцов А. П. Категории // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; М.: Мысль, 2010. 634, [2] с.
19. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 782 с.
20. Васильев В.В. Трансцендентальная дедукция категорий // Термины кантовской философии. URL: <https://www.rodon.org/vvv/htm.#a25>
21. Кант И. Критика чистого разума. Соч.: В 8-ми т. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994. 741 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Избранный автором рецензируемой статьи предмет рассмотрения – неосознаваемые элементы ментальной активности, связанные со сферой мышления. Думается, именно так следует корректно его зафиксировать, поскольку многочисленные ремарки автора многословны и не отличаются ясностью. Следует констатировать, что эта проблематика представляет интерес для философов, психологов, представителей «когнитивных наук», и автор сознательно ориентируется в статье на межпредметные исследования, выступающие в качестве ориентиров обсуждения указанной тематики, что заслуживает одобрения и поддержки. Правда, результаты обсуждения проблемы «неосознаваемых слоёв мышления», скорее, разочаровывают, чем убеждают в том, что сделан шаг в решении выявления природы названных элементов психической жизни. Прежде всего, автор излишне свободно обращается с философской терминологией, с таким «стилем изложения» трудно будет встретить понимание читателей, имеющих профессиональную философскую подготовку. Посмотрим хотя бы на первое предложение текста, из которого следует, что в основе понятия сознания лежит, якобы, «категория знания». Это недоразумение, это в русском языке «знание» и «сознание» – однокоренные слова, а, например, в немецком – нет (вспомним, как «обыгрывали» структуру соответствующего немецкого слова К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»). Более того, «понятия» или «категории» – смысловые образования, которые мы обречены выражать с помощью слов, но сами они «лежат глубже», чем самые удачные выражения, которые мы способны для них предложить. Ещё один фрагмент на ту же тему: «термин бессознательное умозаключение (нем. unbewusster Schluss), называемый также бессознательным выводом», – что значит «называемый также бессознательным выводом», как в данном случае автор намеревается различать «умозаключение» и «вывод»? Понимания, что в рамках рецензии невозможно указать на все подобные случаи, упомянем хотя бы ошибочное толкование «дедукции» у Канта, в столь сложных вопросах следует обращаться к профессиональной кантоведческой литературе, например, к монографии или статьям В.В. Васильева, посвящённым этому вопросу. Уровень подготовки текста также вызывает нарекания. Так, в нём осталось много пунктуационных ошибок: «таким широким понятиями как сознание» (где запятая?); «мышление, как высшая когнитивная способность» (а здесь запятая

не требуется); «способность, проявляемая человеческим духом неизбежно проявляет не только...» (почему «не замкнут» причастный оборот?), и т.д. Много разного рода стилистических погрешностей, вообще говоря, язык статьи весьма удручает: «под мышлением чаще полагается...»; «спонтанно-бессознательная форма проявления мышления закономерно ему присуща»; «такими контекстами выступают в качестве основных философский трансцендентализм и...»; «используя уже имеющееся типологии и классификации относительно структурных уровней мышления» (ну зачем здесь «относительно»?); «в соответствии с таким методологическим измерением исследуемой проблемы представляется необходимым усилить её междисциплинарный аспект, заключающийся в использовании уже достигнутых успехов» (здесь и вовсе невозможно остановить цитирование, сплошная стилистическая сумятица), и т.п. Встречаются и просто опечатки: уже промелькнувшая «спонтанно-бессознательная форма», «как часть часть более общего»; «диалектическому принципам»; «такая связь в большей степени связана на уровне...»; «для человеческого мышления характерно проявление сознательно-рефлексивной формы, получившая...», и т.п. Одним словом, читателю крайне сложно сосредоточиться в процессе чтения столь неряшливо составленного текста. Приходится констатировать, что в основе статьи лежит заслуживающий внимания замысел, но концептуальная и стилистическая составляющие статьи должны быть основательно переработаны.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов: философско-психологические аспекты исследования» выступают неосознаваемые формы мышления. Автору представляется важным подчеркнуть, что изучение когнитивных процессов должно исходить из того, что мышление является хоть и важнейшей из всех когнитивных функций, но все же выступает частью более общего целого, «охватываемого таким широкими понятиями, как сознание, душа, психика».

Методология исследования определяется принципами диалектической взаимосвязи чувственного и рационального в познании, единства целого и части.

Актуальность исследования связана с возможностью использования в философских исследованиях разработок теоретической и клинической психологии, что в свою очередь, позволит философии сформировать более фундаментальное понимание принципов функционирования человеческого сознания.

Научная новизна заключается в определении и обосновании неразрывной связи, взаимообусловленности осознанных и бессознательных актов психики и наличием в когнитивном процессе спонтанно-бессознательных форм.

Статья небольшая по объему, однако очень хорошо организована и изложена, что делает выводы автора понятными неподготовленному читателю. Ее стиль характерен для научных публикаций в области гуманитарных наук, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В первой части статьи – Концепция бессознательных умозаключений Г. фон Гельмгольца, автор констатирует первенство Гемгольца в констатации наличия в психике человека "бессознательных умозаключений" и "неосознанных выводов", как процессов формирования мыслей без волевого участия человека. Во второй части - Современные интерпретации и развитие теории бессознательных умозаключений, автор говорит об

идее «о бессознательном умозаключении», которая предполагает, что кора головного мозга содержит «генеративную модель мира», то есть, универсальную мыслительную схему, позволяющую «автоматически» выполнять определённые действия – классификации, сравнения, выводов. Так, автор ссылается на опыты в области когнитивной психологии, которые позволяют делать выводы о том, что выделение признаков предметов не обязательно является результатом осознанного, рефлексивного каузального мышления, что позволяет предположить, что как признаки, так и причины могут быть встроены в структуры неявного знания. Именно эти «автоматические» мыслительные процедуры обеспечивают устойчивость функционирования стереотипов и затрудняют восприятие принципиально нового.

Заключительной части статьи – Схематизация познавательного процесса как исходная предпосылка формирования понятийной структуры мышления, автор рассматривает процесс образования категорий как одно из проявлений спонтанно-бессознательные формы мыслительных процессов.

В статье автор обращается к таким исследователям мышления как Арансон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р., Морозов Ф. М., Микешина Л. А., Огурцов А. П., Огурцов А. П., проводит параллели с осмыслением познавательной способности человека И. Канта и М. Хайдеггера.

Библиография статьи включает 21 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Статья, по всей видимости, является одной из серии работ, посвященной актуальным вопросам осмысления познания. Она будет интересна философам, психологам, специалистам в области когнитивных наук, в том числе занимающихся вопросами искусственного интеллекта.